

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Критическая теория Европы
Ролёнок Андрей Владимирович

Аспирант

*Европейский гуманитарный университет, департамент философии, Вильнюс,
Литва*

E-mail: andrei.rolionok@ehu.lt

В своем исследовании я опираюсь на конструктивистскую методологию. «Идея Европы» – это дискурсивный конструкт: нет и никогда не существовало «единой Европы», Европа всегда конструировалась и ре-артикулировалась в контексте различных практик повседневного общения, интеллектуального осмысления политических, социальных, культурных реалий и т.д. Сообразно социоисторической динамике изменялась и «идея Европы» (схема конструирования Европы). О «Европе» всегда следует говорить во множественном числе и всегда, как о незавершенном проекте (незавершенной модернизации). За «идеей Европы» всегда скрывается определенная диспозиция власти, определенная структура общества (она использовалась как метанарратив для легитимации наличного политического и социального статус-кво, режима господства).

Методологической метаустановкой предложенного проекта является **критическая теория Европы**. В основе своей она предполагает деконструкцию или критику европоцентризма с опорой на постколониальные штудии в целом и Subaltern Studies в частности. В рамках данной установки также будут находить себя различного рода критики эссенциализма (например, привязка «идеи Европы» исключительно к истории Европейского Союза), критики телеологичности истории (например, в форме возвращения к истокам европейской цивилизации), стратегии денатурализации социальной жизни, истории, **денатурализации «идеи Европы»** в целом. Методологически критическая теория Европы (в указанном аспекте) созвучна социальному конструктивизму.

Критическая теория Европы – это теория, критикующая различного рода дискурсивные практики, т.е. концепции, в рамках которых «идея Европы» предстает в нейтральном ключе как репрезентант универсальных ценностей всего человечества. Происходит универсализация частного дискурса (западно-европейского интеллектуального продукта) и превращение его в глобальную идеологию. Подобного рода концептуальные стратегии будут подвергаться денатурализации и переосмыслению в нормативном ключе (перспектива локальной автономии).

Критическая теория Европы (особенно в контексте постколониальных штудий и Subaltern Studies) открывает определенные перспективы анализа и рассмотрения «идеи Европы». Несмотря на то, что эпоха колониальных владений и империализма закончилась, рабство отменено по всей планете, тем не менее, даже в рамках так называемого прогрессивного/передового европейского мышления (мышления институционализованного и легитимирующего наличный статус-кво ЕС как идеала европейской социальной жизни (для европейцев и к ним стремящихся)), обнаруживается *скрытый колониализм*. Колониальное мышление (с позиции господствующего субъекта власти) продолжает господствовать в латентной форме в рамках различного рода интеллектуальных теорий и в дальнейшем братья на вооружение (в редуцированной форме) в дискурсах топ-политиков ЕС.

Латентный колониализм западно-европейского мышления отчетливо проявляется на примере тематизации Восточной Европы (как Другой Европы или Другого Европы). Обнаруживается, что «идея Европы», «культурного единства» скрывает имманентную иерархию (иерархический порядок власти), иерархию на Запад и Восток. Только, следует заметить, что это не классическая дихотомия Запад-Восток, когда под Востоком мог подразумеваться ислам, Россия, Восточные страны (Турция, например). Речь идет об иерархии Западной и Восточной Европы. В этом отношении Восточная Европа в интеллектуальном, социальном, политическом, экономическом смысле обнаруживается как недоразвитая, недоевропейская, как вторичная Европа, которая должна еще дотянуться, дорасти до истинной Европы, западно-европейской Европы, ее идеалам, ценностям, различного рода политическим воплощениям (будь-то демократия или права человека). Естественно, подобного рода иерархию необходимо вскрывать и это обнаруживает угнетенное положение представителей Восточной Европы (первично в интеллектуальном смысле). Это также обнаруживает потребность представителей Восточной Европы говорить от первого лица. Следует не использовать для концептуализации своего опыта схемы, конструкты, предложенные западными интеллектуалами, политиками, а пытаться организовать действительный диалог. Не быть информантами для Западной Европы. НЕТ, речь идет о том, чтобы говорить от первого лица, использовать свой собственный вокабуляр. Подобный язык всегда будет непереводаем на властный язык и в этом столкновении двух словарей, двух способов артикуляции мира и должен происходить диалог. Это антагонистическая среда, в рамках которой нужно блокировать все попытки гегемонистической регрессии (в данном случае имеется ввиду западно-европейский идеологический конструкт Восточной Европы, который фактически конструирует Восточную Европу как подчиненного субъекта).

Заключая, следует отметить, что критическая теория Европы как форма критики европоцентризма опирается на концепцию множественности модернити (Айзенштадт и др.): понимание модернити не в единственном числе, т.е. отождествление «идеи Европы» с проектом модернити (проектом Просвещения по духу), а во множественном. Модерн, модернизация возможны не только по передовому опыту (в рамках универсального горизонта, предложенной Европой) европейской цивилизации (Европа не есть единственный пример цивилизованности). Речь следует вести о множественности модернити и европейский проект модернити это всего лишь один из возможных проектов модернити. В этом отношении вопрос о принадлежности к Европе будет заключаться не столько в способности разделять метаустановки/метаценности, сколько в способности воплощать реализовывать проект модерна здесь и сейчас, т.е. запускать свой собственный проект модерна – значит, запускать свою собственную Европу. Следовательно, быть европейцем можно даже не будучи юридически членом Европейского сообщества. Следует подвергать жестокой критике монополизацию «идеи Европы» Европейским Союзом (ЕС): членство в ЕС и сопричастность идее Европы – это не тождественные вещи. Нужно разделять политические аспекты «идеи Европы» или конкретные способы ее политического оформления от конкретного проекта, конкретного утопического потенциала «идеи Европы». В данном проекте будете предпринята попытка это сделать, и, тем самым, актуализировать для белорусов возможность быть европейцами, т.е. разделять базовые установки проекта модернити (который, как и «Европа» незавершен), это принадлежать проекту автономии (индивидуальной и коллективной) и диалогу, это

Конференция «Ломоносов 2011»

бесконечная трансгрессия. Европа – это Утопия, всегда уже незавершенное приключение.